

О понятии санкций в современном международном праве

*У Цзыцзюнь, магистрант БГУ,
науч. рук. проф. Довгань Е. Ф., д-р юрид. наук*

Согласно статистике глобальной базы данных о санкциях выявлен 1 101 публично отслеживаемый случай санкций за период с 1950-го по 2019 г. [1, с. 12]. В настоящее время количество введенных санкций против государств, секторов экономики, физических и юридических лиц составляет десятки тысяч. Все более широкое применение санкций государствами и региональными международными организациями без полномочий либо за пределами полномочий, предоставленных Советом Безопасности ООН, вызвало значительные негативные гуманитарные последствия в подвергающихся санкциям государствах, так и в тех странах, которые их вводят. Согласно отчету Специального докладчика ООН по негативному воздействию односторонних принудительных мер на права человека (далее – СД) сегодня около 20% людей в мире прямо или косвенно страдают от введения санкций [2]. Вместе с тем, до настоящего времени термин «санкции» остается неопределенным, что обуславливает актуальность темы.

Слово «санкции» отсутствует в тексте Устава ООН, однако в выступлениях должностных лиц ООН используется. Как отметил Генеральный секретарь Кофи Аннан в своем докладе 2005 г. «При большей свободе», санкции представляют собой «необходимую золотую середину между войной и словами» [3]. Последние годы Генеральный Секретарь ООН и Верховный комиссар по правам человека не дают определения, однако делают упор на негативном влиянии санкций на права человека [4, 5]. Специальный докладчик по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Е. Ф. Довгань в своем докладе отмечает, что единое понимание термина «санкции» в международном праве отсутствует [6].

Доктринальные подходы при его определении значительно различаются, имея общие и отличительные черты. Традиционно санкции рассматриваются как средство принуждения к соблюдению закона (Р. Гордон) [7, с. 1]; реакция на незаконное поведение, характеризующееся насильственным лишением определенных вещей, таких как жизнь, свобода, экономические или другие ценности (Х. Кельзен) [8, с. 706]; мера воздействия, принимаемая государством или группой государств к государству, нарушившему свои международные обязательства или нормы международного права, либо с целью удержания государства от нарушения международных норм, наказать за их нарушение (С. П. Субеди) [9, с. 21]; различные формы воздействия и принуждения [10, с. 102–103]. Глобальная база данных определяет санкции как

ограничительные политические меры, принимаемые отдельными странами, группами стран, ООН и другими международными организациями для решения различных нарушений международных норм и конвенций [1, с. 5]. Вместе с тем существуют и иные подходы.

Американская Стратегия национальной безопасности 2017 г. рассматривает санкции в качестве важного элемента сдерживания, принуждения и ограничения потенциала соперников на международной арене [11, с. 34], инструмент достижения целей внешней политики и национальной безопасности [12]. Европейский союз объявил о возможности применения санкций ради общего блага; продвижения целей своей общей внешней политики и политики безопасности, включая мир, демократию и уважение верховенства права, прав человека и международного права [13]; а также ради дальнейшего продвижения универсальных ценностей для всех [14] в качестве инструмента реализации внешней политики и политики безопасности. Тот же подход получил свое отражение и в работах отдельных авторов [15] без попытки дать их правовую либо гуманитарную оценку. Так, американский ученый Р. Невью определяет термин «санкции» как форму насилия через «боль», с целью сделать статус-кво неудобным и неприятным для объекта санкции, чтобы тем самым принудить объект изменить свое поведение [16, с. 9].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в международно-правовой доктрине существует множественность подходов к определению термина «санкции»: как меры воздействия на незаконное поведение, комплекс принудительных мер, применяемых к государству-правонарушителю; способ заставить кого-либо подчиниться; негативное последствие нарушения; не связанные с применением вооруженной силы меры для поддержания или восстановления международного мира и безопасности; наказание либо боль. Указанные определения и подходы, однако, не учитывают правовую либо гуманитарную составляющие, поэтому следует согласиться с теми авторами, кто признает возможность вводить санкции лишь в соответствии с нормами права в ответ на нарушение международных правовых обязательств [17] с должным учетом их возможного гуманитарного воздействия [18].

Литература

1. The Global Sanctions Data Base: An Update that Includes the Years of the Trump Presidency [Electronic resource] : Drexel Economics Working Paper Series WP 2021-10. – Mode of access: <https://drive.google.com/file/d/1ERc5uNcTumu8gyjOhzDtRNIWgkpk03T8/view>. – Date of access: 01.04.2022.
2. CETIM [Electronic resource] : The Impact of UCMs on the Global Fight Against the COVID-19. – Mode of access: <https://www.cetim.ch/webinar-on-the-impact-of-unilateral-coercive-measures-on-the-global-fight-against-the-covid-19/>. – Date of access: 01.04.2022.

3. UN Digital Library [Electronic resource] : In larger freedom : towards development, security and human rights for all : Report of the Secretary-General, 08 July 2021, 21 March 2005, A/59/2005. – Mode of access: <https://digitallibrary.un.org/record/551384?ln=ru>. – Date of access: 13.04 2022.

4. UN Digital Library [Electronic resource] : Human rights and unilateral coercive measures : Report of the Secretary-General, 18 January 2019, A/RES/73/167. – Mode of access: <https://digitallibrary.un.org/record/1661231?ln=ru>. – Date of access: 13.04 2022.

5. UN Digital Library [Electronic resource] : Thematic study of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, including recommendations on actions aimed at ending such measures, 11 January 2012, A/HRC/19/33. – Mode of access: <https://digitallibrary.un.org/record/719978?ln=ru>. – Date of access: 13.04 2022.

6. UN Digital Library [Electronic resource] : Unilateral coercive measures: notion, types and qualification : Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, Alena Douhan, A/HRC/48/59, п. 19. – Mode of access: <https://digitallibrary.un.org/record/3936670?ln=ru>. – Date of access: 13.04 2022.

7. Gordon, R., Smyth, M. Sanctions Law / Richard Gordon, Michael Smyth. – London : Hart Publishing, 2019. – 336 p.

8. Kelsen, H. The Law of the United Nations: A Critical Analysis of its Fundamental Problems / Hans Kelsen. – London : Stevens and Sons Ltd, 1951. – 994 p.

9. Unilateral Sanctions in International Law: collection of scientific articles / ed.: Subedi, P. Surya. – Oxford, UK : Hart Publishing, an imprint of Bloomsbury Publishing, 2021. – 364 p.

10. Довгань, Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности. – Минск : МИТСО, 2016. – С. 102–103.

11. National Security Strategy of the United States of America. 28.12.2017 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/national/2017_national_security_strategy-final-20171218.pdf. – Date of access: 01.04.2022.

12. U.S. DEPARTMENT OF THE TREASURY [Electronic resource]. – Mode of access: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/sanctions-programs-and-country-information>. – Date of access: 01.04.2022.

13. Документы, поступившие от Дании, Ирландии и Европейского союза, полученные в ответ на призыв Специального докладчика о предотвращении материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/UCM/Pages/HRC48-report.aspx>. – Дата доступа: 01.04.2022.

14. Council of the European Union [Electronic resource] : Council conclusions on the EU Action Plan on Human Rights and Democracy 2020–2024, 19 November 2020. – Mode of access: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_action_plan_on_human_rights_and_democracy_2020-2024.pdf. – Date of access: 01.04.2022.

15. Eyler, R. Economic Sanctions International Policy and Political Economy at Work. – New York : Palgrave Macmillan, 2007. – 252 p.; Economic Sanctions and International Law / ed. Matthew Haggold, Paul Eden. – Oxford; Portland, Oregon : Hart Publishing, 2016. – 262 p.; Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law, 2015. – IAI. – P9.

16. Nephew, R. The Art of Sanctions A View from the Field / Nephew Richard. – New York : Columbia university press, 2017. – 232 p.

17. Marossi, A. Z., Bassett, M. R. Economic Sanctions under International Law Unilateralism, Multilateralism, Legitimacy, and Consequences / Ali Z. Marossi, Marisa R. Bassett. – The Hague : T.M.C. Asser Press, 2015. – 249 p.

18. Douhan, A. F. Unilateral coercive measures: notion and qualification / A. F. Douhan. – Журнал БГУ International Relations. – 2021. – No 2. – P. 26–48.

Социально-правовые аспекты цифровой трансформации в современном обществе

*Урганова Д. Б., асп. II г. обуч. БГУ,
науч. рук. проф. Абрамейко М. С., канд. юрид. наук, доц.*

Понятие «цифровая трансформация» (digital transformation) на современном этапе развития общества активно используется в научных публикациях, политических дискуссиях и бизнес-сообществах. Впервые понятие «цифровая трансформация» стало включаться в научный оборот в конце XX – начале XXI в. Тем не менее, как отмечают авторы доклада «Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты», до сих пор не выработано общее определение исследуемой дефиниции ни в научных публикациях, ни в докладах международных организаций, ни в государственных программах [1; с. 12].

Например, в докладе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Измерение цифровой трансформации. Дорожная карта для будущего» цифровая трансформация – совокупность экономических и социальных эффектов в результате цифровизации. В докладе Конференции ООН по торговле и развитию (2019) «О цифровой экономике» цифровая трансформация исследуется через анализ существенного влияния цифровых продуктов и услуг на традиционные секторы экономики. Отечественный исследователь Б. Н. Панышин отмечает, что цифровая трансформация «предполагает не столько внедрение цифровых технологий, сколько изменение бизнес-процессов и институтов управления таким образом, чтобы предприятие, организация или орган государственного управления могли воспользоваться преимуществами новых технологий [2]. Российский автор И. Грибанов отмечает, что цифровая трансформация – «это процесс коренного преобразования